

*Воспоминания моей тещи, М.Б.Деревянко
Из книги «Белоруссия – молодость моя»,
Воронеж, 2000*

Белоруссия – молодость моя

Книга воспоминаний Марии Борисовны Деревянко, педагога-ветерана, посвящена Белоруссии, в которой прошла ее молодость, родственникам, которые ее окружали на протяжении всей жизни. В описанных автором событиях отразилась жизнь ее поколения.

От автора

Чем старше мы становимся с годами, тем чаще и чаще в нашей памяти возникают картины прошлого. Особенно памятны детские и юношеские годы.

Получила письмо, вспоминаю,
Как ушла восемнадцати лет
Из далекого милого края,
Побываю ль там скоро, не знаю,
Но остался навек его след.

И это действительно так, ибо где бы мы ни жили, вспоминаем то место, где родились, где выросли, где обрели первых друзей, где нас окружали самые близкие и родные люди и порой, кажется, что достаточно даже одного прикосновения к моему милому детству, чтобы вновь обрести ту жизненную силу и уверенность, которой порой так недостает в жизни.

Моя родина

Мое детство и юность прошли в Белоруссии, в крае рек лесных и озер прозрачных (в Белоруссии около трех тысяч рек и четырех тысяч озер). Моя родина занимает территорию примерно 200 тыс. квадратных километров. Население - около 10 миллионов человек.

В основном в республике проживают белорусы, русские, поляки, евреи, украинцы, а также представители других национальностей.

Белорусы - трудолюбивые и мягкие по характеру люди и очень терпимые к другим народам и национальностям.

Около трети всей белорусской земли покрыто лесами. Да какими лесами! Не зря в народе их называют пущами. Самая знаменитая из них - Беловежская, старейший заповедник мира, где обитают современники мамонтов - зубры, гуляют олени и пугливые лани. И как жаль, что именно здесь в 1991 году Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем был подписан документ о роспуске Советского Союза.

Однако главное лесное царство - Полесье в южной части страны. Оно огромным треугольником раскинулось между Минском, Гомелем и

Брестом.

Слово "полесье" говорит о том, что на этой низменности растут дремучие, густые, местами непроходимые леса. Когда-то я писала:

Белорусские леса густые,
Хороши они весной!
Птичьи трели заливные
Оживляют их порой.
Сколько музыки и ласки
Слышу я в тиши лесной,
Белоствольные березки
Говорят всегда со мной.
Дуб стоит, развесив ветви,
С одинокою сосной,
Тополь стройный, клен зеленый...
Берегут лесов покой,
Все здесь кажется, как в сказке,
Все влечет наш взор живой!

В лесах Белоруссии много птиц и зверья, в реках и озерах - рыбы. Обилие рек и озер нельзя объяснить только тем, что на этой территории много тысяч лет назад были ледники. Дело, конечно, и в климате. Сюда доходит дыхание Атлантики - кухни балтийской погоды. Этим и объясняется мягкий, умеренно континентальный климат Белоруссии.

Но белорусская земля - это не только богатые грибами и ягодами леса, здесь, как ни в каком другом уголке, вы встретите удивительные пейзажи, уникальные по красоте реки и озера.

Важнейшие события пашей истории связаны с белорусским краем. Скромный памятник у деревни Лесной посвящен "матери Полтавской баталии" - битве Петра Первого со шведами. Оставила здесь свои следы и Отечественная война 1812 года (о ней рассказывает экспозиция музея П.И.Багратиона в Волковыске). Некоторые места памятны своим революционным прошлым: в Минске состоялся 1 съезд РСДРП. Но особенно много памятных мест связано с Великой Отечественной войной, когда вся Белоруссия была охвачена партизанским движением. Недаром Белоруссию называют страной партизанских троп.

Столица Белоруссии - город Минск. За 9 веков существования Минска иноземные захватчики семь раз уничтожали его, но он возрождался заново. В 14-ом веке Минск входит в число 15 крупных городов Великого княжества Литовского, в конце XV века получает право на самоуправление, в 1793 году включен в состав России и становится центром губернии. Город был разрушен во время немецкой оккупации с 1941 года по 1944 год и опять заново восстановлен.

В Республике шесть областей: Брестская, Витебская, Гродненская, Гомельская, Минская, Могилевская; 99 городов и 117 районов, в том числе Речицкий район - моя малая Родина.

Беларусь ты моя дорогая,

Моя милая Речица, ты...
Часто, часто я вас вспоминаю,
В светлых мыслях я с вами бываю,
К вам всегда улетают мечты.

Речица

Город Речица - небольшой, утопающий в зелени, городок. Во время моего детства в нем проживало около 50 тысяч жителей.

Находится Речица в живописном месте на берегу Днепра, в 40 км от Гомеля - областного центра. Дома в 1-2 этажа, набережная, пристань, узловая железнодорожная станция, спичечная фабрика - вот, пожалуй, и все его достопримечательности. Но особенно красив он был во время весеннего половодья, когда Днепр "распоясывался" и выходил из своих берегов, заливая все прибрежные луга. Тогда город казался крошечным островком среди водной глади, и мы бегали в наш центральный парк, расположенный прямо на берегу реки, полюбоваться этой потрясающей красотой. Но сюда мы приходили не только для созерцания красот Днепра. Здесь была и любимая и возжеленная танцевальная площадка с ее духовым оркестром, где мы с наслаждением танцевали по вечерам модные в то время танго, фокстрот, вальс. Каждый из нас стремился овладеть всеми тонкостями всевозможных "па", чтобы произвести наилучшее впечатление на своих сверстников.

На танцы мы, конечно, ходили целыми группами и, конечно, пешком, так как, во-первых, общественного транспорта тогда не было и в помине, а во-вторых, это намного продлевало нам удовольствие от ожидания праздника - встречи с любимыми мелодиями и друзьями. Шли шумно, весело, громко переговариваясь между собой и с удовольствием постукивая каблучками по деревянным тротуарам и булыжной мостовой, привлекая тем самым еще больше внимания прохожих. В то время ходить по улицам было куда более безопасно, чем сейчас, но мы, тем не менее, предпочитали поостеречься и не рисковать.

В самом центре города находился рынок. Это место в городе считалось самым многолюдным, особенно в выходные дни, когда туда съезжались крестьяне со всех окрестных сел и деревень. На рынке можно было не только что-то купить и продать, но и встретить своих близких и знакомых, проживающих в сельской местности, поскольку почти половина жителей города имела свои корни в селе.

Главной улицей в то время считалась Советская. В вечернее время она превращалась в место массовых гуляний молодежи, встреч и свиданий. На ней располагались основные "культурные учреждения" - местный кинотеатр, дом офицеров, драматический театр, еще одна танцевальная площадка. Рядом с центральной улицей Советской находились улицы с названиями, типичными для советских городов того времени - Ленина, Луначарского, Вокзальная, Первая Полевая, Вторая Полевая и другие, и по всем по ним мы с удовольствием сначала бегали малышами, а потом, чуть

повзрослев, уже чинно и важно прогуливались перед окнами, зная, что являемся предметом изучения наших знакомых и их близких.

В трех километрах от города, в сосновом лесу, вдоль шоссе, по которой я часто ходила в деревни Везуев, Роменская Слобода, находился военный городок, где жили военные со своими семьями.

А перед лесом, на открытом месте, красовался Дом культуры и отдыха, тоже для военных. Здание монументальное, светлое, с огромными колоннами и красивым фасадом привлекало внимание жителей города. Там проходили встречи с известными поэтами и писателями, учеными, выступали лучшие художественные коллективы, певцы и музыканты. В городе поговаривали о том, что главного архитектора, проектировавшего это здание, судили за допущенную военно-стратегическую ошибку - строительство здания на открытом месте, на фоне леса, где находился военный городок.

В начале войны Дом культуры и военный городок были взорваны нашими войсками при отступлении, и, конечно, не восстановлены после войны.

Надо сказать, что, начиная со времен славянских поселений дреговичей, радимичей и кривичей, прародителей белорусского народа, и кончая годами Великой отечественной войны, эта земля была свидетелем борьбы ее народа против угнетателей и завоевателей. Сюда рвались литовские феодалы и польские шляхтичи, шведские солдаты Карла XII и наполеоновские гренадеры, но никому белорусский народ так и не покорился. Под руководством гетмана Наливайко он освобождал Могилев от польских панов, с Богданом Хмельницким боролся за воссоединение с Россией. С воинами Петра 1 громил шведов у Лесной. Партизанил с отрядами Дениса Давыдова и сокрушал остатки наполеоновской армии на Березине.

Все это вехи давней истории. Но есть и более близкие по времени годы борьбы с гитлеровскими оккупантами. Вся территория Белоруссии была оккупирована немцами, в том числе и мой родной город Речица. Правда, город не был сильно разрушен, зато были сожжены многие деревни вокруг города, в том числе деревня Везуев - родина моей бабушки Анастасии Семеновны. Во время пожара погибла ее мать, Васа Забиран (девичья фамилия Ганецкая), которой исполнилось тогда 85 лет. Муж ее, Забиран Семен, сельский фельдшер, рано умер, и она жила с семьей младшего сына Константина. А когда сын в первые дни войны ушел на фронт и вскоре погиб (жена его, Вера, умерла перед самой войной), бабушка продолжала жить и воспитывать трех маленьких сыновей. Когда немцы поджигали деревню и расстреливали ее жителей, детей дома не было, и они остались в живых. В Белоруссии каждый четвертый житель республики погиб во время войны, в том числе и 9 моих родственников. Но это будет позже, а сейчас мне хочется еще рассказать о мирном довоенном времени.

Родилась я 28 мая 1927 года. Детство мое прошло в семье дедушки, Харитона Пушкаренко, на хуторе Грабовка (лесной край, лесные деревни - Липняки, Дубки, Задубье, Поддубье, Подберезовки, Клепово, Сосновки и др.) в 18 километрах от города и от железной дороги.

Как сейчас, вижу дом дедушки на краю хутора, большой двор, палисадник, фруктовый сад, гумно и пасеку. Вокруг хутора густой лес из граба, дуба, ясеня, березы и заливной луг. (На севере Белоруссии преобладает ель, сосна, береза, в средней части - леса из граба, ели и дуба, на юге - грабово-дубовые чащи).

Недалеко от дома дедушки протекал небольшой ручей, который весной разливался и покрывал луг. Иногда в этом ручье появлялась крупная речная рыба, жители села с удовольствием вылавливали ее. Это подтверждало мнение местных жителей, что наш ручей был прародителем какой-то затерявшейся маленькой речки. Через ручей был построен небольшой мостик для перехода и проезда. Примерно в километре от хутора находилось болото, поросшее мхом, ольхой, березой и другими влаголюбивыми деревьями, травами и кустарниками. По ночам в зимнее время со стороны болота раздавался протяжный вой волков, наводивший ужас на запоздавшего путника. Иногда волки подходили близко к жилищам людей и даже нападали на домашних животных, забирались в сараи, что очень беспокоило местных жителей, и они часто устраивали облавы на волков.

Место вокруг хутора было низкое, заболоченное, поэтому на лугу росли сочные травы и яркие цветы, а в близлежащем лесу - малина, смородина, земляника, черника, голубика, черемуха и лесные орехи. Воздух всегда был чист, прозрачен, наполнен смешанным ароматом трав и цветов, а также пением птиц и звуками насекомых. В такие минуты не хотелось сидеть в доме, и я часто уходила на луг, ложилась на траву, наблюдала за бегущими облаками и слушала музыку живой природы. Казалось, что я нахожусь в каком-то нереальном, сказочном мире, где все прекрасно - и природа, и люди. Я и сейчас вспоминаю это мое детское ощущение счастья, которое, казалось, будет со мной всю жизнь, вспоминаю с большой грустью.

На хуторе, кроме семьи дедушки, проживало еще семь семей. В том числе - два сына дедушки с семьями - Илларион и Антон, семья Дмитрия Игнатовича Шавловского, Никифора Пырха, Павла Веремейчик и его старшего сына Кондрата, а также семья бабушки Акулины Веремейчик с сыновьями Федором и Василием. Материально все жили примерно одинаково, если не считать, что некоторые хуторяне, как мой дедушка, кроме хозяйства, имели и пасеку.

Пахотной земли не так уж много в Белоруссии. Далеко ей до кубанских и воронежских черноземов. Все больше пески да суглинки.

А вот удавался на дедушкином поле лен - долгунец, во время цветения которого все вокруг словно окутывалось прозрачным зелено-голубым

покрывалом. Хорошо росли озимая рожь, просо, ячмень, овес, яровая пшеница, гречиха, конопля, табак, бобовые культуры (бобы и горох), клубника, клевер, люцерна и овощи - картофель, красная свекла, лук, чеснок, морковь, капуста, помидоры, огурцы, репа, тыква.

Сами жители хутора выпекали очень вкусный и душистый хлеб, мололи зерно, сбивали сливочное, льняное и конопляное масло, делали вкусные домашние колбасы, творог, сметану, заготавливали на зиму грибы, орехи, варенье и всякие солености (капусту, огурцы, помидоры), выкачивали мед. То есть это было самое что ни на есть натуральное хозяйство, и всего этого вполне хватало на то, чтобы прокормить семью до нового урожая. Конечно, все это давалось большим и напряженным трудом, но дедушка и вся его семья умела трудиться и нас, детей, он научил этому.

Казалось, ничто не сможет разрушить сложившийся уклад и ритм нашей крестьянской жизни. Но меняются времена, меняется и жизнь. Изменилась жизнь, и на хуторе Грабовка началась организация колхозов, стали меняться материальные и моральные устои и ценности. Начали переселять людей с хутора в деревню Яновка за два километра, то есть поближе к правлению колхоза, чтобы руководству легче было организовать людей на коллективный труд.

Дедушка болезненно относился ко всем изменениям, происшедшим в жизни. Да это и понятно. Ему, довольно уже пожилому человеку, было жаль расставаться с тем, что было создано его руками на протяжении всей жизни: домом, где каждый гвоздик вбит с такой любовью, садом, где каждое дерево и каждая травинка напоминала о пережитом, любимой пасекой и всем тем, что называется родным домом. А поднимать дом на новом месте не было ни сил, ни желания, ни возможности. Да и условия были другими.

Будучи уже колхозником, он часто ночью ходил на колхозный двор и прислушивался к ржанию своих лошадей (у дедушки лошади были крупные, породистые и ухоженные), ему все казалось, что его лошадей плохо кормят, избивают без причин и относятся к ним не так, как это делал он. Когда он нам об этом рассказывал, на глазах у него появлялись несвойственные ему скупые слезы, и мне до боли было жаль его в такие минуты. Как потом оказалось, дедушка был прав в своих подозрениях, лошади его действительно скоро пали от непосильной работы и плохого ухода за ними. Но что он тогда мог сказать? Через такие испытания пришлось пройти всем жителям хутора, а особенно тяжело было, конечно, старикам.

По состоянию души и сердца дедушка мой был романтиком. Он любил жизнь, людей, природу. С соседями всегда жил мирно, хотя по характеру был вспыльчивым. Он никогда не отказывал людям в помощи, если за таковой к нему обращались. В деревне дедушку называли "гвоздем" (по-белорусски - "гвоздом"). С чем это было связано, я не знаю. Вероятно, потому, что он постоянно что-то строил, а может быть и потому, что и он, и его сыновья были все высокие и стройные, как гвоздики. По выходным

дням дедушка любил ходить в лес за грибами, ягодами и орехами и угощать нас, внуков. Был постоянен дедушка и в своих привычках. Например, всегда за столом сидел на одном и том же месте, ел из одной и той же тарелки и одной и той же ложкой. Носил бороду, курил из самодельной трубки выращенный на своем огороде табак, в пищу употреблял много красного перца.

Частыми гостями дома дедушки были соседи - Дмитрий Шавловский, Никифор Пырх и Павел Веремейчик. Сидя у камина, при свете лучины в долгие зимние вечера, они обсуждали не только свои сугубо крестьянские проблемы, но и просто жизненные, и политические. Интересно было притаиться где-то в уголке комнаты и слушать их бесконечные разговоры и споры.

Семья дедушки в то время состояла из 6 человек - дедушка, бабушка Анастасия Семеновна, сыновья Адам и Василий и дочери Меланья и Пелагея (старший сын Илларион трагически погиб на работе, средние Иван и Антон и младшая дочь Софья уже имели семьи и жили отдельно). Все члены дедушкиной семьи трудились в колхозе. Но, кроме общих дел и обязанностей, каждый член семьи имел и свое любимое занятие: например, сын Антон умел шить изящную мужскую и женскую обувь; дочь Меланья, как никто другой, ткала великолепные покрывала и скатерти, разгадывала сны и заговаривала болезни, всегда помогала слабым и больным людям, очень любила читать книги; дочери Пелагея и Соня прекрасно плели кружева, вышивали и шили одежду; младший сын Василий был очень наблюдательным и, хотя и не учился в школе из-за болезни, но великолепно фантазировал, очень удачно придумывал определения, характеризующие человека, а также клички животным.

Дедушка в свободное время занимался пчелами, у него на пасеке было около 10 ульев. На пасеку часто ходила и я, помогала дедушке выкачивать мед, расселять пчелиные семьи, подкармливать пчел весной и чистить улья. Ну и, конечно, поест меда, за что часто расплачивалась болью от пчелиных укусов, но это не останавливало меня от посещения пасеки.

Бабушка вела домашнее хозяйство, так как больше всего любила готовить. Природа наделила ее удивительной способностью превращать любое блюдо в произведение искусства. Особенно вкусными получались у нее борщ, окрошка, холодец, картофель с мясом, различные каши, блинчики и блины с творогом и мясом, жареный поросенок с капустой или гречневой кашей, гусь или утка с яблоками, оладьи и блинчики со сметаной и медом, драники или бабка из тертого картофеля с салом или сливочным маслом, голубцы, вареники, разные салаты из овощей, всевозможные соленья (часто солила огурцы, капусту и красную свеклу). А уж про вареники с творогом, запеченные в печке, и говорить не приходится.

Бабушка была небольшого роста, очень хорошо сложена, любила петь и плясать. По словам моей мамы, в молодости бабушка всегда носила вместо блузок вышитые рубашки, поверх которых надевала широкие юбки. В

деревне бабушку называли по имени дедушки – Харитониха. Родила она 18 детей, из которых выжили только восемь - пять сыновей и три дочери. Умерла бабушка на 4 года позже дедушки, в 1947 году. Дедушка умер в 1943 году.

Откуда дедушка был родом, я точно не знаю. Мне кажется, из Харькова. В Яновке проживала семья его брата - жена с дочерью и сыном (Морка и Федор Курлович). Во время войны мать и дочь переехали жить в Речицу. Я и мама часто у них бывали в доме, приходили и они к нам. Муж Морки был двоюродным братом Домны Веремейчик, внешне очень привлекательный мужчина. По рассказам моего двоюродного брата Николая Антоновича Пушкаренко, у дедушки был еще один брат и жил он с семьей в Харькове. Дядя Антон ездил к нему, приезжал и он к дедушке, а также и его сын, но я их, к сожалению, никогда не видела.

Сейчас никого из членов семьи дедушки уже нет в живых: старший сын Илларион трагически погиб на работе в 1933 году, средние сыновья Иван и Адам погибли во время Великой Отечественной войны под Жлобином в 1943 году, там и похоронены в братской могиле. Сын Антон умер в 1948 году после плена, Василий умер в 1965 году от язвенной болезни желудка (по болезни и в армии не служил).

Дочери дедушки жили дольше своих братьев. Младшая Софья умерла в 1984 году на 75-ом году жизни, старшая Меланья - в 1991 году, прожив от роду 89 лет (похоронена в городе Слуцке Минской области, где она проживала с дочерью Любой после смерти мужа), средняя Пелагея умерла в 1998 году на 95 году жизни. Илларион, Пелагея, Соня, Антон, Василий похоронены на Яновском кладбище, где покоятся дедушка, бабушка, а также их внуки - моя сестра Люба, двоюродная сестра Аня (дочь дяди Антона), двоюродный брат Курлович Виктор Михайлович (сын Сони). У дедушки было 16 внуков, 10 из них с семьями живут в Белоруссии, двое за пределами республики.

Непосредственно в Яновке живут с семьями сын дяди Адама Николай Курлович и его сестра Анна, а также сын дяди Ивана Василий Курлович, дочь тети Поли Мария Андреевна Шавловская и дочь дяди Василия Мария Курлович. Остальные живут в Речице и других городах Белоруссии.

Среди внуков я была старшей. После меня через две недели родилась двоюродная сестра Нина (умерла в 1992 году), двоюродные братья Николай Пушкаренко и Василий Курлович, моя сестра Шура, двоюродные сестры Мария Антоновна и Татьяна Ивановна и другие, год рождения которых я просто не помню.

Поскольку я была старшей внучкой в семье, то взрослые дяди и тети баловали меня, особенно дедушка. Он брал меня и брата Николая с собой в лес, разрешал кататься на лошади и следил, чтобы нас никто не обижал. Мы все очень любили дедушку и выполняли все его требования. Между

собой мы, внуки, жили дружно, особенно дружили с детьми дяди Антона, поскольку жили рядом.

Большая семья

Дедушка оставил после себя большую семью.

Дядя Антон был самым красивым в семье дедушки: стройный блондин с правильными чертами лица и голубыми глазами. Он был похож на бабушку. Был женат на Ольге Григорьевне, такой же красивой блондинке. У них родилось трое детей - сын Николай и дочери Мария и Аня (Аня умерла в дошкольном возрасте от полиомиелита). Жена дяди Ольга умерла в 1994 году на 84 году жизни, пережив своего мужа на 46 лет. После смерти мужа жила с дочерью Марией и ее семьей (муж - Михаил Ганецкий, дочери-близнецы Алла и Люда и сын Николай). Их сын Николай Пушкаренко живет с семьей (жена Тамара, дочь Татьяна) в Речице. Уже оба на пенсии. Их сыновья Владимир и Александр женаты и живут с семьями тоже в Белоруссии - старший Владимир - в Гомеле, младший Александр - в Речице. Сестра Николая Мария Антоновна Ганецкая после смерти мужа и матери переехала жить к дочери Людмиле в Тонову Минской области. Недалеко от Тоново живет и другая дочь Алла с семьей, сын же Марии Николай Михайлович Ганецкий остался жить с семьей (у него двое детей, как и у сестер) в Яновке, на родине родителей. Дочери Марии Люда и Алла, их брат Николай и мужья работают зоотехниками.

Дядя Адам был женат дважды. С первой женой жил недолго. Вторым раз женился на украинке Наталье Петровне, умной и деловой женщине, которой нелегко было одной воспитывать двух детей - сына Николая и дочь Анну после гибели мужа в 1943 году. У Николая - пятеро детей, у дочери Анны - трое. Живут на родине дедушки и отца.

Младшая дочь дедушки Софья замужем была дважды. Первый муж Назар (фамилию его не помню) был из Заспы. По рассказам моей мамы, его в 1937 году репрессировали за переписку с братом, который жил в Канаде. О дальнейшей его судьбе мне ничего неизвестно, поскольку он оттуда не вернулся. Вторым муж Сони Курлович Михаил Данилович был из поселка Гаевка. Их дети - сын Виктор и дочь Валентина родились во время войны. У дочери Валентины двое детей, дочь и сын. Живет семья в Речице. Сын Виктор умер в 1998 году. У него одна дочь Жанна.

Старшая дочь дедушки Меланья вышла замуж за вдовца Черношей Николая, у которого было четверо детей - три сына и маленькая дочь. Их мать, двоюродная сестра моей мамы по отцу, умерла вскоре после рождения дочери. Семья Черношей жила сначала в поселке Ровенский, а после пожара переехала жить в поселок Стражинский, ближе к Яновке. Старший сын Алексей до войны работал учителем, во время войны был призван в армию и там погиб. Вторым сын Иван живет с женой Лидией Гавриловной в Слуцке. У него два сына от первого брака. В Слуцке живет

и дочь Люба с семьей (муж Иван Шмигельский и сын Юрий). Сын женат, имеет дочь. Григорий с семьей живет в Гомеле.

Средняя дочь дедушки - долгожитель Пелагея, умерла на 95-ом году жизни в 1998 году. Была замужем тоже за вдовцом Омельченко Андреем по прозвищу "Дрозд". У него был один сын, потом родилась общая дочь Мария. Муж Пелагеи рано умер от тифа, и ей одной пришлось воспитывать двоих детей. Дочь Мария живет в Гостивеле, а ее дочери - в других местах Белоруссии: старшая дочь Люда с двумя сыновьями живет в городе Ветке (муж умер в 1997 году), средняя дочь Нина с семьей в Светлогорске, младшая дочь Зина с мужем и сыном - в Гомеле.

Сын дедушки Иван с семьей жил в поселке Гаевка (жена Прасковья, дочери Мина и Татьяна, и сын Василий). Сам глава семьи погиб в 1943 году в боях под Жлобином. Жена Прасковья жила с сыном Василием и его семьей. Умерла в 80-е годы. Умерла и дочь Нина в 1992 году, а ее дети - сыновья Владимир и Виктор и дочь Светлана с семьями живут в Гомеле,

Был женат и младший сын дедушки Василий, который из-за болезни не учился в школе и не служил в армии. Жену его звали тоже Прасковьей. Оба они умерли - он в 1965 году, она - в 1998 году. Их дочь Тамара с детьми живет в Речице (муж умер), а младшая Мария - в Яновке. У нее своей семьи нет, жила с матерью.

Называю всех поименно для того, чтобы внуки и правнуки дедушки знали свою родословную, помнили их и чтители память о своих предках.

Семья дедушки жила по правилам: не убий, не обидь, не укради. Этому учили и своих детей, и внуков. Пока живут такие люди, как дедушка, жизнь будет продолжаться.

Всем родным и близким я многим обязана и благодарна за помощь, которую они оказывали мне и моим младшим сестренкам в трудные годы немецкой оккупации.

Во время Великой отечественной войны и немецкой оккупации погибли 9 человек моих родственников. В том числе три родных дяди - Иван, Адам и Антон, мамин дядя Константин Забиран, его мать Васа Забиран, мамина бабушка, двоюродные братья мамы Александр Михайлович Ганецкий (сын тети Акулины), Анатолий Забиран (сын маминого дяди Ивана) Василий Матюшенко (двоюродный брат мамы по отцу), сын двоюродной сестры по отцу Алексей Николаевич Черношей.

Вечная им память!

Очень жаль, что их дети, внуки, а также родные и близкие не всегда имеют возможность посетить их могилы и отдать должное их героизму.

Очень жаль, что не сохранен и дом дедушки, в котором я родилась и где прошло мое детство, на хуторе Грабовка и в деревне Яновка. На месте бывшего хутора сейчас растет сенокосное разнотравье, деревья и дикие кустарники. Изменен и облик деревни Яновка, в которой проживала семья дедушки после переселения с хутора Грабовка. Да и старожилов в ней осталось уже мало. Многие переехали жить в другие места, а многих уже

просто нет в живых. Но я их всех помню, и память сохранится в моем сердце на всю жизнь.

Школьные годы

В Яновке я училась в начальной школе. Первой моей учительницей была Софья Александровна. В одном классе со мной учился ее младший сын Евгений, а старший сын Петр учился у своего дедушки, который тоже работал в этой же школе учителем.

Школа находилась в центре села, рядом с правлением колхоза в поповском доме. Недалеко от школы жили братья Иван и Виктор и сестры Анна и Лиза Тихоновы. Дом их был расположен в глубине большого сада, обнесенного высоким забором. Деревенские мальчишки часто пытались заглянуть в этот сад, но тщетно - братья тщательно охраняли его. По сведениям моего двоюродного брата Николая Пушкаренко, в настоящее время живет в селе только старший брат Иван с детьми (у него 11 детей - 10 дочерей и сын), сестры Анна и Лиза умерли, а младший брат Виктор во время немецкой оккупации погиб в партизанском отряде вместе с Иваном Дмитриевичем Шавловским.

Принимали тогда в школу с восьми лет. Обучение велось на белорусском языке. Школа была двухкомплектной, один учитель на два класса (1-3, 2-4). Занятия начинались по звонку и всегда проводились по расписанию.

В конце первого года обучения мы все уже умели бегло читать, пересказывать прочитанное, писать под диктовку небольшие тексты, решать несложные задачи, красиво писать, знали таблицу умножения в пределах сотни. Второгодников среди нас не было. Насколько я теперь понимаю, учителя в работе с нами достигали таких результатов потому, что классы были небольшими и была возможность уделить внимание каждому ученику, поработать с каждым учеником гораздо больше, чем в обычной школе.

В пятый и шестой класс я ходила вместе с деревенскими девчонками и мальчишками в Свиридовичи. Школа там была новая, двух или трехэтажная, точно сейчас не помню. В ней работали в основном молодые учителя, только что окончившие учебные заведения. Среди них были очень интересные и талантливые, поэтому учиться у них нам очень нравилось, на занятия мы ходили с удовольствием. Очень жаль, что подчас память изменяет нам, и мы не можем точно вспомнить имена или отчества этих учителей, но главное, что они сумели оставить свой след в наших сердцах и душах. Особенно запомнились мне учитель русского языка и литературы Василий (отчество не помню), учительница математики Лидия Яковлевна, учитель белорусского языка и литературы Иван Акимович Михалевский и многие другие.

На уроках русского языка и литературы мы изучали не только программный материал, но и заучивали наизусть стихи Пушкина,

Лермонтова, Некрасова. Учитель почему-то ходил на занятия в военной форме.

Учительница математики Лидия Яковлевна, красивая и энергичная женщина, уроки проводила живо и интересно, учила нас не только решать задачи, но и логическому мышлению. Мы с большим уважением относились к ней и всегда старались все выполнить, чтобы вызвать ее одобрение. Насколько нам, ученикам, было известно, ей нравился учитель белорусского языка Михалевский Иван Акимович, высокий и красивый, с кудрявым чубом и доброй улыбкой. Таким он был в жизни, но на уроках преображался до неузнаваемости. Во-первых, при объяснении материала он громко говорил и сильно стучал мелом по доске, таким образом требуя нашего внимания. Я его очень боялась и, конечно, терялась при ответах. Как потом выяснилось, он был двоюродным братом моей мамы и бояться его совсем не стоило, но об этом я узнала только после войны, когда встретилась с ним в доме моей подруги, маминой двоюродной сестры, Нади Михалевской. Он был ее родным братом.

Сводный брат мамы Гриб Владимир Петрович преподавал ботанику, а его жена, Агафья Ивановна, работала в школе старшей пионервожатой. У них тогда уже был сын Владимир, позже родилась дочь Люба. Как потом стало известно, сын стал военным, а дочь учителем. А вообще у них было восемь детей. Все получили высшее образование и живут в Белоруссии. Владимир Петрович и его жена Агафья Ивановна уже умерли.

Учителем истории работал Жизневский, высокий и широкоплечий мужчина лет 27-30 с густыми черными бровями. Во время немецкой оккупации он почему-то служил в Свиридовичах полицейским. По своей воле ли он стал полицейским или по чьему-то заданию, мне не известно. Во время войны такие случаи бывали довольно часто.

Немецкий язык преподавала Хайкина Фира Яковлевна, женщина лет 40, без правой руки, всегда носила очки, отчего имела подчеркнуто строгий вид. Уроки она проводила, сидя за столом, уткнувшись лицом в классный журнал, не обращая внимания на отвечающего ученика и вообще на класс, поэтому при ответах мы могли свободно пользоваться учебником и, конечно, плохо готовились к урокам, хотя вели себя на ее уроках нормально.

После войны мне довелось встретиться только с Михалевским Иваном Акимовичем, который во время войны был разведчиком, а в настоящее время со своей семьей, женой Ниной Павловной, двумя сыновьями и двумя дочерьми живет в Речице.

Судьба остальных учителей мне не известна, но всех их я помню до сих пор.

В школу мы ходили всегда большой компанией. А поскольку учились в первую смену, то из дому выходили в зимнее время еще затемно. Дедушка всегда провожал меня до места сбора, то есть до центра села. Там присоединялись к нам ребята из поселков Гаевка и Вишневка, потом из Орла и Гостивеля, и все вместе мы шли дальше. Идти такой

разновозрастной компанией было интересно и весело. По дороге мы узнавали все сельские новости, болтали, шутили, смеялись, обменивались информацией по домашнему заданию.

В одном классе со мной учились Мария Немкевич и Шавловская Нина (дочь Федора Зосимова). Обе девочки мне очень нравились. Мария Немкевич была грамотной, хорошо писала диктанты, пела, но почему-то редко отвечала на уроках устно, особенно на уроках математики. То ли ей это просто не нравилось, то ли еще по какой-то причине. Нина Федорова хорошо училась по всем предметам, была смелой и остроумной, не давала в обиду не только себя, но и других девчонок в спорах с мальчишками. С ней мне всегда было как-то надежно и очень интересно. Трагично сложилась жизнь ее семьи во время немецкой оккупации. В первые дни войны немцы расстреляли ее мать и отца, и она осталась одна с младшей сестренкой Клавой. В деревне жила двоюродная сестра Нины или ее отца Матрена (отец - белорус, мать - украинка), по матери никого из родных не было, и девочкам пришлось самим определять свою судьбу. Нина вскоре вышла замуж за двоюродного брата Марии Немкевич, Степана Немкевич, сельского гармониста, с которым прожила более 50 лет (умер в 1998 году). У них три сына и дочь.

Через 22 года в 1968 году я встретила с Ниной. Она была такой же обаятельной и симпатичной, время почти не изменило ее внешность, а наоборот даже сделало ее еще более привлекательной.

С Марией Немкевич мне не довелось встретиться, поскольку она вышла замуж и уехала с мужем в другое место. По словам моего двоюродного брата Николая Пушкаренко, муж Марии педагог. Семья Марии жила в центре села, рядом с семьей Степана Шавловского и домом семьи Терешковых и состояла из 5 человек: отец Иван Немкевич, мать Ульяна Немкевич, старшая сестра Лена и младший брат Виктор.

Мария была похожа на свою мать, высокая, стройная, с веселым нравом. Лена и Виктор внешне походили на отца, небольшого роста, худощавые, но красивые. Семья их была гостеприимной и хлебосольной. Дети были хорошо воспитаны. Мать Марии обладала талантом прекрасного рассказчика анекдотов, вела себя всегда неординарно в обществе, чем привлекала всеобщее внимание. Например, она могла сесть на лошадь и въехать в дом, где проходило свадебное застолье.

Как сложилась дальнейшая судьба этой семьи, я узнала от Липы Шавловской. Иван Михайлович и его жена умерли. Мария живет в Калининграде, куда уехала по вербовке. Там живет ее дочь от первого брака. Старшая сестра Лена работает учителем в Яновке, ее муж - директор школы. Брат Виктор был офицером, служил в Белоруссии, погиб в 1950 г.

Вместе с нами ходила в школу Шавловская Липа, но она училась в другом классе, так как была младше на год. В этой же школе учились два ее старших брата - Александр и Евгений. В семье были еще дети - Мария и Рая (Рая умерла в дошкольном возрасте). В 1946 году родилась Светлана,

которую я никогда не видела, поскольку в 1946 году уехала из Белоруссии.

Все дети этой семьи были похожи на свою мать, Екатерину - высокие, стройные, красивые. Такими же красивыми были и сестры Екатерины - Люба, Олеся и третья сестра (имя не помню). Сестры вышли замуж за военных и уехали с ними по месту службы мужей, но часто приезжали на родину в Гостивель, где жили мать и их брат Алексей. Бывали и в семье старшей сестры. Сестры и брат Алексей положительно влияли на своих племянников и племянниц, помогли им уехать из деревни и определиться в личной жизни. Липа и Мария тоже вышли замуж за военных и живут в городах - Мария и Светлана в Кишиневе, брат Евгений во Владимире, Липа - в Наро-Фоминске Московской области. У Липы две дочери, четверо внуков, у Марии - два сына, у брата Евгения - один сын и внук.

Старший сын Степана Шавловского был призван в армию в начале войны и не вернулся с фронта.

Нет уже в живых ни Екатерины Шавловской, ни ее мужа Степана, умерли ее сестры и их мужья, остались только их дети и внуки, которые проживают за пределами Белоруссии.

В 1968 году во время моей поездки на родину, я узнала, что Екатерина после смерти мужа продала свой дом и уехала к дочери Липе в Наро-Фоминск, где и умерла на 86-ом году жизни в 1988 или в 1989 году. Муж умер раньше нее лет на 25 и похоронен на сельском кладбище в Яновке.

Моя мама с большим уважением относилась к главе семейства, считала его серьезным и порядочным человеком. Что касается меня, то я особой симпатии к нему не питала, поскольку считала его человеком суровым, замкнутым, неспособным оказать помощь другому человеку, и поэтому никогда не общалась с ним. Возможно, я была не права в своих суждениях, но таковы мои детские впечатления, от которых никуда не денешься, даже если они и ошибочны.

В народе Степана Шавловского и его брата Андрея называли "Чмыхунами". Нужно сказать, что у каждого жителя села было свое прозвище, в том числе и у моего дедушки, о чем я писала раньше. Почему называли именно так, а не иначе, сказать очень трудно, но, как правило, прозвища эти были безошибочны. Например, Никифора Пырха называли "козликом", Дмитрия Павловского - "джупалом", братьев Немкевичей - "синчиками", Кондрата Веремейчик - "трусом" и т.д. Люди не обижались и спокойно отзывались на прозвище.

Жизнь в довоенном селе - это не только просто физический труд, связанный с землей. Дети трудились в школе, познавая азы мироздания, большинство из нас хотело получить образование и стать просто полезным человеком. Юноши нашего села тогда еще с удовольствием шли в армию, так как это считалось серьезным и нужным делом. Жили мы довольно интересно. Взрослые интересовались политикой, часто обсуждали все события, происходящие в мире. Настрой был оптимистичный, по крайней мере, по моему ощущению. Конечно, не все и не у всех было гладко в жизни. Многие были недовольны колхозами, где ничего не платили за

работу, а записывали трудодни, а по осени получали натуральными продуктами - картофелем, зерном и т.д. Многие не вступили в колхоз.

Таких семей было в деревне 5-7, в том числе семья Морки - сестры Хващенко Терентия Захаровича. Сам Терентий работал председателем сельсовета. Его же старший брат Савва Захарович тоже не хотел трудиться в колхозе, мотивируя это тем, что работа любит дураков, а он - человек талантливый (играл на баяне) и найдет себе работу по своему интересу. В результате жизнь у него так и не сложилась, ничего он не добился, только потерял семью, и остаток жизни провел в приюте для престарелых.

Были и такие семьи, которые приветствовали приход немцев и сотрудничали с ними, а когда немцы отступали, уехали с ними.

Правда, некоторые из них вернулись уже после войны, но жить в селе не стали, а перебрались в другие места, где их никто не знал, чтобы земляки не напоминали им об их грехах в прошлом.

Вспоминается мне и семья Никифора Пырха. Сын Владимир и дочь Ольга стали педагогами, старшая Полина умерла рано при родах, а самая младшая Таня, с которой я встречалась в 1968 году, сейчас живет в России. В этой семье очень любили книгу. Очень часто мы с Ольгой в зимнее время, нежась па печке, зачитывались Пушкиным, Лермонтовым, Бальзаком. Мне очень нравилась эта семья, так как отношения между членами семьи были очень ровные, теплые, доброжелательные. Никогда я не слышала ни криков, ни угроз, ни одергиваний, и я всегда с удовольствием приходила к ним, чувствуя и к себе такое же доброе отношение.

Я уже говорила, что среди жителей села было очень много умных, интересных и талантливых людей. Мне вспоминается Степан Немкевич, сельский гармонист, Домна Веремейчик и другие.

Домна обладала сильным и красивым голосом и пела везде - дома, на работе, в гостях и на посиделках, а чаще всего на завалинке у своего дома. Возле нее всегда собирались те, кто любил петь и кто ценил ее талант. Приехала Домна в деревню из Ровенской Слободы с матерью и младшей сестрой Марией, так как вышла замуж. Муж ее, Василий Веремейчик, был сыном бабушки Акулины, очень доброй женщины, и ее мужа, Сафона Веремейчик, немного странного по характеру человека. Когда их сын женился па Домне, их уже не было в живых. Старший брат Василия Федор жил в городе и редко выбирался к Василию. А сам Василий был очень болезненным человеком (страдал бронхитом) и вскоре умер. Осталась Домна одна с дочерью Любой и со своей матерью и младшей сестрой Марией.

В 1968 году я встретила с Марией (она уже была замужем и имела внуков) и она мне рассказала о судьбе Домны, которая переехала в другую деревню вместе с дочерью.

Кроме Домны и Степана Немкевича, в деревне было много способной и талантливой молодежи. Ребята играли на балалайках, гитарах, мандолине (Шавловский Иван и др.), а также прекрасно танцевали (дети

Шавловского Степана), проводили вечера и вечеринки, организовывали концерты, на которых ставили всевозможные спектакли, прекрасно декламировали стихи, великолепно пели. Проводили обсуждения документальных и художественных фильмов, одним словом, жили довольно интересно, как и подобает молодежи.

Когда я пишу эти строки, перед моими глазами проходит жизнь этих простых и ничем не примечательных, но очень славных сельчан, больших тружеников с их поступками и идеалами, пусть не всегда правильными, с их моралью и взглядами на жизнь, с их достоинствами и недостатками. Я с глубоким уважением отношусь к каждому из них, так как они являются уже частью меня самой, моего детства и моих самых светлых воспоминаний.

Если б не было войны, этой страшной войны, которая все смела на своем пути, разрушила все планы, мечты и надежды стольких людей всей нашей огромной страны и, конечно, жителей такой маленькой, но такой любимой и близкой мне Яновки!

Война

Меня война застала в городе Речица, где мы с семьей жили в то время. 26 июня я должна была ехать в пионерский лагерь, а 22 июня по радио мы услышали страшную весть о начале войны.

Белоруссия была оккупирована в июле 1941 года. Тот, кто был в оккупации, знает, что творили немцы на оккупированной территории, как уничтожали оставшихся там коммунистов, евреев и просто жителей городов и сел, обвиняя их в сотрудничестве с партизанами. За одно только подозрение расстреливали без всякого суда. Трудоспособную молодежь угоняли в Германию на каторжные работы. А девушке не дай бог быть немного привлекательной, я уж не говорю красивой. Я сама чуть было не оказалась в такой ситуации, спасла меня соседка по дому Анна Медведева. Она сообщила мне о готовящейся облаве немцев на нашей улице и посоветовала спрятаться в малине в огороде, что я и сделала. Моя мама в это время была в деревне. И, уже лежа в малине, я видела, как немцы вошли в наш дом (там оставались мои младшие сестренки Рая и Таня), как вышли из него и направились в огород в сторону моего убежища. Шли немцы и с противоположной стороны (малина росла на меже двух огородов) и, не доходя шагов десять до меня, остановились, о чем-то поговорили и повернули обратно. Я же лежала в моей спасительной малине ни жива, ни мертва, боясь пошевелиться и не веря все еще, что угроза миновала и немцы ушли. Не помню, сколько времени я там находилась, помню только, что пришла за мной все та же тетя Аня. Если бы не она, не знаю, что бы было со мной, вернее, даже страшно подумать, что бы было! Потом я уже читала, что угнано в Германию было свыше 5 миллионов человек, из них вернулись обратно только 1,5 млн.

Такие облавы немцы устраивали довольно часто. Помню и такой случай.

В нашем доме поселили двух немцев и одного русского, обслуживающего их, так называемого власовца.

Один из немцев хорошо разговаривал по-русски, постоянно общался с нами, даже иногда угощал, включал для нас по своему радиоприемнику Москву и вместе с нами слушал передачи. В его рассказах проскальзывала мысль о том, что он отрицательно относился к Гитлеру, его политике, которая привела к массовой гибели людей, в том числе и немцев. Мы, конечно, не очень верили ему, относились ко всему сказанному очень настороженно, боясь, что это провокация. Но потом мы убедились в искренности его слов.

Были в нашем городе во время оккупации и союзники немцев - итальянцы, румыны, венгры, поляки и чехи. Вели себя все они по-разному. Более-менее гуманно относились к населению чехи, поляки и итальянцы, многие из них в последние дни ушли к нашим партизанам и сражались вместе с ними против немцев. Итальянцы вообще отказывались воевать на стороне немцев, продавали свое оружие, ухаживали за белорусскими девушками.

Немцам тоже нравились белоруски, причем многие из них женились на наших девушках и увезли их с собой в Германию, нарушив таким образом приказ Гитлера о соблюдении чистоты арийской расы.

А вот венгры и румыны вели себя очень агрессивно, всегда ходили по городу группами и с оружием, с местным населением не общались, а иногда жестоко расправлялись с людьми за самые незначительные проступки. Это были настоящие союзники фашистов во всех отношениях.

На территории Гомельской области у деревни Азаричи был единственный в своем роде лагерь смерти, где было уничтожено 70 тысяч человек. В марте 1944 года немцы, предварительно заразив всех узников сыпным тифом, согнали их в топкие болота и ждали медленной смерти. Так они пытались остановить быстрое продвижение наших войск на Запад.

До войны в Яновке проживало около двухсот или трехсот семей. Жизнь любой из них - это целая драматическая, а подчас и трагическая история. И хотя я общалась с довольно ограниченным кругом людей, но общее представление о жизни села я, конечно, имела. Особенно меня потрясла история семьи Дмитрия Шавловского (жена - Меланья, сыновья Иван и Василий, дочери - Нина и Татьяна), живущего рядом с моим дедушкой. Дочь его, Нина, была моей подругой, и я часто бывала у них в доме.

Это обычная сельская семья. Муж и жена трудились в колхозе, дети до войны учились в школе, старший сын Иван учился в Ровенской Слободе, где учителями работали брат Дмитрия и его жена. В этой же школе учились их дочери-близнецы - Ада и Лиля.

Общеизвестно, что белорусская земля в период оккупации вся была охвачена партизанским движением. Многие сложили головы в белорусских лесах, но молчалива белорусская тайга. И все же иногда задувает ветер и зашумит, застонет лес. И кажется, что своим гулом он напоминает нам о том, как здесь боролись, умирали и побеждали смелые,

мужественные люди - простые и незаметные в обычной жизни, но сумевшие отстоять нашу родину.

Трагично сложилась жизнь семьи Шавловского Дмитрия в это страшное время. Старший сын Иван вместе с Виктором Тихоновым ушел в партизаны и там погиб. Погиб и Виктор. Жену Меланью и его мать немцы расстреляли в один и тот же день, а дом сожгли дотла.

А случилось это так. В селе неожиданно появились немцы проездом в другую деревню. Все, конечно, только заслышав моторы, сразу попрятались по домам. Проезжая по селу, немцы неожиданно заметили за одним из сараев двух привязанных оседланных лошадей. Они тут же повернули назад, вошли в дом и начали допрашивать хозяйку дома, Васу Веремейчик, откуда эти лошади. Она сказала, что лошадей привязал сын Дмитрия Шавловского Василий. Немцы окружили дом Дмитрия, близлежащие дома соседей и стали разыскивать хозяина дома. Но в доме уже никого не было, все ушли в другую деревню. Не успела уйти только жена Дмитрия Меланья. Фашисты схватили ее на другом конце села с помощью Василия Шавловского, старосты деревни, опознавшего ее, и расстреляли на глазах у соседей, а дом сожгли. Как оказалось, лошади принадлежали партизанам, которые приехали в деревню и оставили лошадей у дома Дмитрия, сами же направились в деревню. Увидев немцев, они притаились за огородом, не успев убрать лошадей. Если бы Василий не вывел лошадей из сарая, все бы, возможно, и обошлось. Но случилось так, как случилось и ничего тут не поделать. Когда рассказывают подобные ужасы о людях, которых ты знал лично, с которыми жил рядом, трудился и вместе радовался жизни, все становится намного страшнее и трагичнее.

В этот же день немцы расстреляли и мать Дмитрия (родители жили в поселке Гаевка) только за то, что она спряталась от них в своем огороде. Рядом с нею находилось четверо детей их соседа Василия Шавловского, однофамильца. Старшей девочке, Любе, было 16 лет, братья были помладше. Всех их немцы убили выстрелом в голову. Их мать находилась недалеко, но немцы ее не заметили. Не тронули и отца Дмитрия, который был в это время о доме. Хоронили расстрелянных на следующий день всей деревней, детей положили в одну могилу. Отец их в это время находился на фронте, после войны он так и не вернулся, тоже, очевидно, погиб.

Но месть наступала и тех, кто сочувствовал немцам. Помню двух братьев тоже из поселка Гаевка, которые служили полицейскими и были убиты, возможно, партизанами, а может быть и кем-то из жителей села. Трупы их были найдены недалеко от села. Но их смерть не могла найти сочувствия ни в одном из нас.

С содроганием слушала я в 1999 г. известия о событиях в Югославии, когда небольшую страну бомбят самолеты НАТО, бомбят не только военные объекты, но и мирное население городов и сел, когда слышу и вижу войну у нас, в нашей собственной стране, в Чечне. Все повторяется вновь. Опять гибнут наши же дети, старики, мирное население, опять

появилось слово "беженцы", как в Великую Отечественную. И это в наше мирное, казалось бы, время, в нашем цивилизованном, казалось бы, мире и обществе. Только тот, кто пережил войну, может понять весь трагизм и ужас последствий этого страшного слова "война".

Белоруссия была освобождена в июле 1944 года. От цветущего края остались лишь руины и пепелища. Половина национального богатства была разграблена или уничтожена фашистами. Четыреста тридцать две деревни были стерты с лица земли, сожжены вместе с жителями.

И, спустя почти полвека после этих потрясений, когда по стечению обстоятельств мне пришлось посетить Германию, я вновь и вновь возвращалась в мыслях ко всему, что пришлось увидеть и пережить в войну, с трудом приучала я себя к мысли, что мне придется вновь увидеть пусть не тех же людей, но представителей этой страшной нации, что мне придется встречаться, общаться с ними и как скрыть то чувство непростения, которое поселилось во мне навсегда. Все, конечно, проходит, многое меняется в мире, меняются и люди, их мировоззрение, отношение к определенным историческим событиям, но память не должна умереть, нельзя забыть о тех жертвах, которые понесла наша многострадальная белорусская или русская, просто наша земля.

После войны

До войны я окончила шесть классов. В седьмой класс я пошла в 1943 году, когда наш город был освобожден. Учиться было очень трудно, ведь учебников не было, приходилось писать на чем попало, часто на газетной бумаге. Готовились к урокам группами, объединяясь с теми, кто имел учебник. Я пользовалась учебниками моей подруги Дины Пахоменко. Здесь на помощь мне приходила моя младшая сестренка Рая, которая выполняла роль почтальона, принося и относя учебники. В семье нас было тогда пять сестер; я - старшая (1927 года рождения), Люба (1930 года), Шура (1932 года), Рая (1935 года) и самая младшая Таня (1937 года рождения). Все пятеро такие непохожие друг на друга ни внешне, ни по характеру, но все были хорошо сложены, тоненькие и стройные, и каждая хороша была по-своему.

Самой боевой, задорной и энергичной в нашей семье была Шура. Очень общительная, добрая, веселая, симпатичная, она очень легко знакомилась с незнакомыми людьми, могла без очереди купить хлеб в магазине и доставить его домой (по время войны хлеб выдавали по карточкам и очереди были страшные), не боялась мальчишек и могла вступить с ними в драку, если они кого-то обижали.

Рая была очень степенной, вела себя с достоинством, особенно когда бабушка, Анастасия Семеновна, делала ей незаслуженные замечания. Очень хорошо училась в школе, великолепно пела и танцевала, была талантлива и хороша собой, с роскошной копной волос, она всегда привлекала к себе внимание окружающих.

Люба была очень красивой девушкой, ее внешность напоминала актрису Марину Влади - голубоглазая, белокурая, с вьющимися полосами, и при этом самая серьезная из нас и самая болезненная, умерла от туберкулеза кости в 1946 году, когда ей исполнилось всего 16 лет. Мы все ее очень любили и до сих пор портрет ее, написанный каким-то художником, хранится у меня.

Таня - самая маленькая и тоже болезненная (страдала золотухой), немного прихрамывала на одну ножку, но при этом, подвижная, с огромными широко распахнутыми красивыми голубыми глазами, обладающая тонким музыкальным слухом, с очаровательной улыбкой, очень добрая по натуре. И как самая маленькая - всеобщая любимица, хотя не всегда мы ей в этом признавались.

Сейчас мы живем очень далеко друг от друга, даже в разных странах, так уж распорядилась жизнь.

Трое из нас - Рая, Таня и Шура живут на Украине, Шура и Таня - а городе Коломия Ивано-Франковской области, Шура - в Конотопе Сумской области.

У Шуры три сына - Валерий, Владимир и Анатолий. Все женаты, имеют детей и живут тоже на Украине. Валерий и Владимир - в Конотопе, младший Анатолий - в городе Черновцы. У Валерия жена Нина, дочь Светлана и сын Сережа. У Владимира - жена Таня и сын Миша. У Анатолия жена Наталья и трое детей - двое сыновей - Сергей и Валерий и дочь Эллина. Муж Шуры Кацов Семен Семенович, подполковник запаса, умер очень рано, на 61-м году жизни от сердечной недостаточности в 1992 году.

У Раи муж – Болеховский Богдан Михайлович, тоже офицер запаса, работает учителем истории в средней школе. У них сын - Сергей и внучка Ира.

У Тани муж – Болтенков Ростислав Николаевич, также бывший офицер, сейчас работает инженером по безопасности в автохозяйстве. У них двое детей - дочь Надежда, у которой трое детей (два сына - Игорь и Вадим и дочь Стелла) и сын Олег, у которого жена Инна и одна дочь.

Вот такая у нас была шумная семья. Жили трудно, но весело. Помогали друг другу, когда это было нужно и возможно.

Все мы учились и школе, кто с меньшим, кто с большим удовольствием. Вместе со мной учились моя подруга Дина Пахоменко, Валя Пинчук, Евтушкова Лариса, Половинка Лариса, Нина Бобченицер и другие. Самой близкой из них была, конечно, Дина Пахоменко, о ней я уже немного писала. Она жила с матерью, отчимом и сводным братом (мать ее, небольшая, худенькая, очень предприимчивая женщина, была к разводе с Дининым отцом, который жил в Харькове со своим старшим сыном Владимиром) в собственном доме, имели хозяйство - корову и домашних птиц, поэтому особых материальных затруднений не испытывали, но и трудиться они умели. Кроме того, мать зарабатывала еще и шитьем.

Я часто бывала в их семье и видела, как во всем Дина помогала матери,

как серьезно она готовилась к урокам, училась она хорошо. После окончания средней школы и пединститута она работала учителем русского языка и литературы в восьмилетней школе в деревне Липняки Лоевского района. Там вышла замуж за местного жителя Меренчука. Сейчас они оба уже на пенсии. У них три дочери и 10 внуков. Мать Дины умерла. Дина всю жизнь мечтала встретиться со своим единственным братом Владимиром, но как мне стало известно из ее писем, встреча эта так и не состоялась. Бывает и так в жизни.

Среди девочек, с которыми я училась в школе, было много очень талантливых. Среди них выделялась Зина Бобченицер. Незаметная внешне (небольшого росточка, с простым и невыразительным лицом), она обладала уникальным голосом, очень напоминающим голос перуанской певицы Иммы Сумак, диапазон которого был в пределах четырех октав.

Недалеко от школы находился военный госпиталь, раненые бойцы приходили на большой перемене к нам в школу, чтобы послушать пение нашей Зины.

Зина жила с матерью и старшим братом - рыбаком в небольшом стареньком домике на окраине города, недалеко от центрального парка. Жили они очень скромно, поэтому вряд ли она поступила учиться в консерваторию. Да сколько таких талантливых самородков так и остались нераскрытыми! Недаром говорится - талантам надо помогать, бездарности пробьются сами. Но помощи в то послевоенное время ждать было не от кого.

Училась с нами в 7-ом классе девочка Лариса Половинка, отец которой был командиром партизанского отряда во время оккупации, а до войны работал первым секретарем горкома партии. Мать и младших сестреночек Ларисы расстреляли немцы, Лариса после войны жила с отцом и мачехой и страшно переживала о потере родных.

После окончания семилетки многие девочки пошли работать, как, например, Нина Бобченицер и Лариса Пашина, другие поступили в техникумы или на курсы, чтобы получить специальность, стали медсестрами.

Лариса Евтушкова окончила среднюю школу, поступила в медицинский институт и стала врачом.

Первой из моих подруг вышла замуж Бобченицер Нина, тогда я первые побывала на свадьбе. Мужем ее стал брат подруги по работе (Нина работала в типографии наборщицей), молодой парень, вернувшийся с фронта, инвалид первой группы, без обеих рук. Дальнейшая судьба Нины мне неизвестна, поскольку я тогда уже уехала.

На нашей улице жила Лариса Пашина в доме № 148 или 154, на углу переулочка, который соединял Первую Полевую со Второй Полевой, и мы часто ходили по нему к Дине Пахоменко и Ларисе Евтушковой. После войны эти улицы были переименованы и стали называться Первая Полевая - имени К.Заслонова, Вторая Полевая - имени Гастелло.

Дома на этих улицах были частными, с приусадебными участками и

садами. Был сад и у Ларисы Пашиной, причем сад большой. Особенно много было вишневых деревьев вдоль забора по переулку. Семья Ларисы жила в хорошем доме из 4 комнат. Отец Ларисы и младший брат Слава погибли уже после освобождения города от немцев, поскольку находились в оккупации и были призваны в армию в 1943 году. Старший брат Владимир пришел с фронта инвалидом первой группы и тоже вскоре умер от полученных ран. Остались в доме только три женщины - мать Ларисы, Лариса и ее сестра Элла, которая хорошо играла на гитаре. Лариса вынуждена была оставить школу и пойти работать, чтобы помогать семье. Элла училась в школе, мать серьезно заболела после полученных известий о смерти мужа и младшего сына. Что было потом, я не знала до 1968 года, то есть до первого посещения моей родины через 22 года. Встретила меня мать Ларисы, причем выглядела совершенно здоровой и окрепшей, Элла вышла замуж, у нее двое сыновей, Лариса своей семьи так и не имела и так и жила с матерью,

Состоялась тогда и моя встреча с бывшей нашей соседкой по дому Медведевой Анной, о которой я уже писала и которая помогла мне избежать угона в Германию во время облавы.

Муж ее вернулся с фронта живой и невредимый, случай довольно редкий в то время, младший сын Анатолий имел семью и жил в другом городе, а старший Евгений умер от менингита в 1946 году.

Пригласила к себе в дом и тетя Мотя, соседка, жившая напротив нашего дома с сыном Славой. Это родная тетя моей подруги Бобченицер Нины по отцу. Ее сын Слава когда-то хорошо играл на гитаре и пел. Любимой и часто повторяемой им была песня со словами: "А на могиле напишите - покойник водочку любил...". Из рассказов соседей и его матери я узнала, что слова эти были сакраментальными и сыграли с ним злую шутку - оказалось, водочку любил и сам Слава, за что его лишили должности и перевели на другую работу. В жизни бывает и так.

В Речице жили в то время две тети моей мамы - тетя Вера и тетя Паша. Их младшие дочери Надя Михалевская и Пинчук Валя были моими подругами. А вообще у моей мамы по ее линии было три тети (тетя Акулина жила в Безуеве) и два дяди - Иван и Константин. Их отец Семен Забиран был сельским фельдшером. Жили все в Безуеве.

Старшей в семье была моя бабушка Анастасия Семеновна, за ней Вера, Акулина, брат Иван, сестра Прасковья и брат Константин.

Иван работал в Речице на почте в отделе спецсвязи. В 1937 году его репрессировали и о нем ничего не знали ни семья, ни родственники до 1949 года. В 1949 году его реабилитировали посмертно и выплатили жене Нине и детям (три сына) денежную компенсацию. Старший его сын Анатолий в первые дни войны погиб на фронте. Константин Забиран был призван в армию и погиб в первые дни войны (жена Вера умерла накануне войны), три их сына остались жить с бабушкой Васой Забиран (девичья фамилия Ганецкая), которой в то время было 85 лет (об этом я уже писала).

Немцы сожгли деревню Безуев, во время пожара на пороге своего дома погибла и бабушка Васа. Детей дома в то время не было, судьба их уберегла, и они остались живыми. После гибели бабушки Васы над детьми взяли опеку родственники их матери Веры. В настоящее время, по словам двоюродной сестры Марии Пинчук, один из сыновей с семьей живет в деревне. Судьба двух других сыновей неизвестна.

Тетя моей мамы Вера была замужем за Акимом Петровичем Михалевским. У них родилось десять детей, трое умерли в раннем детстве, а четвертая дочь Поля умерла уже взрослой накануне своей свадьбы.

Шестеро детей имели свои семьи, и все жили, кроме Григория, в Речице (сыновья Иван, Александр и дочери Марфа, Татьяна и Надежда). У Марфы и ее мужа Максима - два сына и две дочери, у Татьяны и Владимира Чижика - два сына и дочь, у Ивана Акимовича (моего бывшего учителя белорусского языка) и его жены Нины Павловны, тоже педагога, - два сына и две дочери. У Александра Акимовича - сын и дочь от второго брака (второй раз он был женат на дочери первой жены Марии Матюшенко Екатерине), у Григория - сын и дочь от первого брака.

У Надежды Акимовны детей не было ни в первом, ни во втором браке. Второй ее муж Григорий трагически погиб в автомобильной аварии. В автомобильной аварии погиб и Александр Акимович со своей второй женой Екатериной. Умерли сестры Марфа и Татьяна и их мужья. А когда-то это была большая и дружная семья.

Особенно мне нравилась хозяйка дома - тетя Вера, а для меня бабушка Вера. Была она небольшого роста, полная, круглолицая, с гладкой прической, с приятной и доброй улыбкой. Невзирая на свою полноту, она легко и бесшумно двигалась по комнате и всегда ласково всем улыбалась. Особенно внимательна и добра она была ко мне, поскольку я дружила с Надей и часто бывала в их доме.

Средняя дочь Забиран Акулина жила в Безуеве, на своей родине. Муж ее, Ганецкий Михаил, рано умер и я его никогда не видела. Старший их сын Александр, педагог по образованию, погиб на фронте во время войны, младший Николай, по словам Марии Михайловны Пинчук, живет с семьей в Казахстане. Впрочем, сейчас он может быть там уже и не живет, в связи с наступившими переменами в нашей стране. Их мать Акулина Ганецкая уже умерла.

Самой красивой, по словам моей мамы, считалась младшая ее тетя Прасковья. Ее муж, Пинчук Михаил, служил лесничим в Ново-Красном, где жила семья. Потом переехали в город Речица. Старшая их дочь Мария Михайловна до замужества работала корректором в районной газете, муж ее Павел Бобров был военкомом в одном из районов области. У них - двое детей. Старшая дочь Нина - кандидат медицинских наук, живет с семьей в Гродно, младший сын Евгений - в Речице.

Мария Михайловна после смерти мужа живет одна. Ее младшая сестра Валентина Михайловна, моя подруга, умерла от полиартрита в 1993 году. Сын и дочь с семьями живут в Речице.

Старшая дочь Семена Забира Анастасия, 1885 года рождения, была замужем за Матюшенко Лазарем Николаевичем, 1877 года рождения, участника русско-японской войны 1904-1905 г. Он был ранен, после возвращения домой служил в Закарпатье, Умер в 1932 году от полученных ран. По рассказам родных и близких, он был очень добрым и воспитанным человеком, любил своих детей и внуков и никогда их не наказывал.

В семье Матюшенко было четверо детей - два сына (Илья и Владимир) и две дочери (Анна и Евдокия). Старший сын Илья служил моряком на Балтийском флоте, сын Константин и жена Глафира (сводная сестра Никифора Пырха) жили в Кронштадте, а потом в Ленинграде. В 1936 году Илья умер от воспаления легких, умерла и его жена Глафира в 1940 году.

После смерти родителей воспитанием их сына Константина занималась бабушка Анастасия Семеновна. Она определила внука в Ленинградское ремесленное училище, где он получил специальность токаря и работал на одном из заводов в блокадном городе. Работать и жить впроголодь без родных в осажденном городе было трудно. Выжил он лишь потому, что всегда мало ел. Его друг погиб от постоянного недоедания, хотя физически был гораздо крепче Константина. В 1942 году Костя вместе с заводом эвакуировался в Нижний Тагил, где проработал до конца войны и в 1946 году оттуда был призван в армию. В 1948 году демобилизовался и приехал на Украину, где жила сестра его отца с семьей. В этой семье он жил до 1952 года. В 1952 уехал по вербовке на Кольский полуостров, где трагически погиб (утонул). Семьи у него не было.

Брат Ильи Владимир умер в 20 лет от сердечного приступа. Был женат на красавице Екатерине, двоюродной сестре по отцу. Детей у них не было.

Сестра Ильи и Владимира Анна тоже рано умерла от полиартрита. Своих детей у нее не было.

Дольше всех прожила Евдокия (родилась 31 января 1909 года, умерла 23 февраля 1991 года), прожила 82 года. Была она необычайно хороша собой - золотокудрая, статная, с твердым, даже несколько мужским, характером. Образование у нее было начальное, но она была полна какой-то житейской мудрости, всегда могла найти выход из любой жизненной ситуации, посоветовать и помочь людям. Не зря многие годы она избиралась народным заседателем. Вместе с мужем они сумели поднять и воспитать, дать образование всем своим дочерям. Правда, одна из девочек, Люба, на 16-м году жизни умерла. Муж ее, Борис Борисович, умер в 1988 году на 83 году жизни. Оба похоронены на Украине в городе Коломыя Ивано-Франковской области. Там живут их младшие дочери Раиса и Татьяна с семьями.

Таким образом, вся моя родословная находится в Белоруссии и на Украине.

Немного о себе

Из Белоруссии я уехала вместе с родителями. Отец - офицер Советской Армии, принимал участие в Великой Отечественной войне с Германией с 1941 по 1945 г.г., а также участвовал в боях с Японией с 9 августа по 3 сентября 1945 года. Часть его находилась недалеко от русской крепости Порт-Артур на Ляодунском полуострове в городе Дальнем (Дайрен, теперь Далянь). В 1946 году папа получил отпуск и приехал за нами, так я оказалась с семьей в Китайской Народной Республике.

Там я нашла свою судьбу и 1 сентября 1946 года я вышла замуж за Деревянко Григория Яковлевича, тоже участника войны с Германией и Японией.

В 1948 году у нас родился сын Александр. В июле 1948 года мы с мужем и сыном вернулись в Советский Союз в город Черновцы, где жил брат отца и куда потом приехали и мои родители.

На Украине я окончила сначала педучилище, а затем и педагогический институт и начала свою трудовую педагогическую деятельность. В Черновцах 24 сентября 1949 года у нас родилась дочь Светлана.

В 1959 году по просьбе отца мужа мы переехали жить в Ташкент, где жили до 1966 года, до землетрясения. Поскольку дом наш был разрушен (мы жили в самом центре города на улице Ленина, 59), то по распоряжению Совета Министров СССР и РСФСР мы были направлены в числе ста семей в Воронеж на постоянное место жительства.

В Воронеже живут с семьями дочь Светлана и сын Александр. Таким образом, Россия для меня стала большой родиной, которую я очень люблю. Люблю ее просторы и поля, ее трудолюбивый и талантливый народ, ее культуру и великий русский язык, который стал для меня родным.

Я очень люблю Россию, по никогда не забываю и свою малую родину - Белоруссию, где я родилась, где прошли мои детские и юные годы, где жили и поныне живут родные и близкие люди. Не только люблю, но и горжусь ею, подарившей миру таких известных людей как просветители Франциск Скорина и Симион Полоцкий, народные поэты и писатели Янка Купала и Якуб Колос, Богданович и Хадкевич, Василий Быков и Олесь Адамович.

Да разве перечислить всех выдающихся моих земляков, живших когда-то и живущих в настоящее время на этой земле. Это дело историков.

Я же посвящаю эти строки людям, которые были рядом со мной в годы детства моего и юности, в годы немецкой оккупации и помогли выжить.

Вечная им память и низкий им всем поклон!

И вспоминаются в такие минуты простые и искренние слова К. Паустовского: "На первый взгляд - это тихая и мудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце начинаешь любить эту обыкновенную землю... - этот лесной и задумчивый

край, любовь к которому не забывается, как никогда не забывается первая любовь".

Белоруссия - молодость моя!
Все сегодня опять вспоминаю,
Как ушедшую юность свою,
И горжусь своим ласковым краем,
Как прошедшим чарующим маем,
О тебе свою песню пою!

Своей малой родине желаю мира и добра!

Февраль 2000 г.
Воронеж, Россия